

Арзаманова Т.В.¹, 2022

**Отдельные аспекты
стратегического планирования Германии
в Индо-Тихоокеанском регионе
в условиях возвращения соперничества
великих держав**

*Довольно неуместно называть эту планету – Земля,
когда очевидно, что она – Океан.*

Артур Кларк

***Аннотация.** Как минимум в среднесрочной перспективе матрицу международных отношений будут определять не только формирующийся глобальный «геополитический разлом» – напряженность между Соединенными Штатами и Китаем, но и возвращение конкуренции между великими державами в целом. Главной ареной для глобального противостояния между США и КНР за возможность оказывать влияние на переформатирование миропорядка неизбежно становится Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). Для ИТР все большую актуальность приобретает рост напряженности в Южно-Китайском море, вопрос нераспространения ядерного и других видов ОМП, притом что конкуренция интересов важнейших игроков (США – КНР, КНР – Индия) в этом регионе генерирует новые риски и вызовы безопасности.*

Будучи крупным экспортером, Германия не может ограничиваться ролью статиста в регионе, экономическое и геополитическое значение которого неуклонно растет, особенно с учетом того,

¹ Арзаманова Татьяна Владимировна – ведущий редактор ИНИОН РАН (tatiarzamanova22@gmail.com).

что конфликты в ИТР могут угрожать важнейшим торгово-транспортным артериям, связывающим Европу с Азией и Африкой. Цель официального Берлина – расширить присутствие ФРГ в ИТР, делая ставку на внутрирегиональное сотрудничество, так как консолидация биполярных структур США и КНР в регионе является одним из основных рисков для остальных крупных игроков: противостояние Вашингтона и Пекина может обрести форму прокси-войны, разрушая глобальные цепочки поставок.

Стратегическое планирование ФРГ в ИТР, в отличие от аналогичной стратегии США, не имеет ярко выраженной антикитайской направленности, хотя и нацелено, по сути, на «сдерживание» Китая. Более взвешенная политика Германии и ее европейских партнеров (прежде всего Франции) в ИТР, основанная на поиске баланса интересов, могла бы способствовать более мягкому структурированию зон влияния в этом регионе.

Ключевые слова: ИТР, ФРГ, США, КНР, Индия, AUKUS, ASEAN, QUAD, геополитические интересы, сдерживание, конкуренция держав, европейская стратегическая автономия, мультилатерализм.

Геостратегический контекст: возвращение эпохи конкуренции великих держав

Вывод войск США из Афганистана в августе 2021 г. фактически положил начало новому этапу международных отношений: глобальная цель – борьба с международным терроризмом – отчасти уступила место¹ возвращающейся эпохе конкурентной борьбы великих держав. Можно с уверенностью предположить, что как минимум в среднесрочной перспективе мировую политику будут определять не только такие глобальные «геополитические разломы», как напряженность между Россией и «коллективным Западом», между США и КНР, но и возвращение соперничества между великими державами: соперничества за ресурсы, технологии, темпы цифровизации, и в первую очередь – за ресурс геополитического влияния на формирующийся мировой порядок и саму возможность оказаться в этом процессе в роли игрока, а не статиста. В начале апреля 2022 г. председатель Комитета начальников шта-

¹ Что не отменяет прежних ТВД.

бов ВС США генерал М. Милли заявил: «Соединенные Штаты находятся в крайне важном и историческом, геостратегическом поворотном моменте. Мы оказываемся в мире, который становится более нестабильным, потенциал значительного международного конфликта между великими державами растет, а не уменьшается» (цит. по: [Строкань, 2022]). М. Милли подчеркнул, что власти КНР «по-прежнему полны решимости коренным образом пересмотреть международный порядок в свою пользу к середине века, они намерены стать равными США в военном плане к 2035 г., они намерены развить свой военный потенциал» [Ibid.].

Противостояние неизбежно приводит к поиску союзников, а значит – к укреплению старых и формированию новых альянсов и соглашений. В качестве резистентной стратегии Вашингтон сделал ставку на создание коалиции союзников для противодействия росту влияния Пекина, в первую очередь в ИТР. Стремительный геополитический рост Китая привлекает к ИТР всеобщее внимание, поскольку в XXI в. именно этот регион становится ключевым с точки зрения геополитических интересов: через ИТР проходит треть мирового судоходства (около 4 трлн долл. международной торговли), а в его шельфе имеются значительные запасы нефти (11 млрд баррелей) и газа (190 трлн куб.м) [Brattberg, Le Corre, 2019]. При этом регион обладает значительным конфликтным потенциалом в плане территориальных, военных и конфессиональных конфликтов: так, Япония и Китай имеют территориальные споры в отношении подконтрольных Японии островов Сэнкаку (китайское название – Дяоюйдао) [Ibid.]; Китай и такие государства – члены АСЕАН, как Филиппины, Малайзия, Бруней, Вьетнам, ведут территориальный спор по поводу архипелага Спратли (китайское название – Наньша) в Южно-Китайском море [Ibid.]. К этому добавляются региональные проблемы, связанные с экологией, терроризмом, пиратством, незаконным промыслом, организованной преступностью и нелегальной иммиграцией.

Стремление США противостоять быстрому росту геостратегического потенциала Пекина в ключевом регионе ИТР, особенно с учетом усилившейся в последнее время напряженности в районе

Южно-Китайского моря¹, неудивительно. Китай обладает вторым в мире военным бюджетом (293 млрд долл.); военные расходы КНР растут опережающими темпами по отношению к ВВП [Лакстыгал, Мишутин, 2022]. Технологический рывок КНР (включая усовершенствования, не имеющие аналогов на Западе), – пожалуй, максимально неблагоприятный сценарий развития событий с точки зрения Вашингтона. Наиболее вероятно, что судьбу глобального противостояния США и КНР за мировое влияние на геополитический ландшафт и саму возможность форматирования миропорядка в итоге решит именно расклад сил в ИТР.

**Акцент на Индо-Тихоокеанском регионе:
стратегический разворот во внешней политике Германии?**

Если США стремятся прежде всего создать свою зону влияния в ИТР, то цель Германии на этом направлении намного скромнее – обозначить там свое присутствие. 2 сентября 2020 г. правительство ФРГ опубликовало «Руководящие принципы политики для Индо-Тихоокеанского региона» [Leitlinien ..., 2020]. Главная цель – наращивание присутствия Германии в ИТР в контексте взаимосвязи экономик Европы и Азии через глобальные цепочки поставок. В предисловии к «Руководящим принципам» тогдашний глава МИД ФРГ Х. Маас подчеркнул, что Германия, будучи крупной торговой державой, приверженной мировому порядку, основанному на правилах, не собирается ограничиваться ролью стороннего наблюдателя в регионе, значение которого для мировой экономики и политики неуклонно растет. Возможные конфликты могут негативно повлиять на стабильность и безопасность в регионе, что неизбежно будет иметь последствия и для Германии [Ibid.]. Берлин с его экспортоориентированной моделью экономики жизненно заинтересован в безопасности и свободном прохождении магистральных маршрутов из ФРГ в Азию и обратно – торговых путей из Европы через Суэцкий канал в Индийский океан.

Германия рассматривает поступательное экономическое развитие региона в тесной связи с собственным процветанием и,

¹ Пекин объявил 80% территории Южно-Китайского моря своими внутренними водами, с чем категорически не согласны остальные региональные игроки.

делая ставку на многосторонние региональные форматы, выражает в этом контексте готовность внести свой вклад в обеспечение безопасности региона. Согласно «Руководящим принципам», ключевыми интересами Германии в ИТР являются: обеспечение мира и безопасности, свободы торговли; защита окружающей среды. При этом в качестве базового элемента стратегического планирования в ИТР Германия рассматривает дифференцирование своих связей и активностей в регионе как по географическому, так и по институциональному принципу [Ibid.].

В фокусе проецирования стратегических интересов Германии на Индо-Тихоокеанский регион – «сдерживание» Китая

Смещение стратегического вектора на ИТР сейчас наблюдается и у ЕС (и отдельно – у Франции), и у Великобритании, и у других серьезных игроков, активизирующих свое присутствие в этом регионе. И хотя ФРГ особо акцентирует внимание на том, что ее стратегия в ИТР не направлена против кого-либо и служит исключительно целям углубления партнерства, изрядная доля дипломатического лукавства здесь вполне очевидна. За общими формулировками скрывается стремление обозначить свое присутствие в ИТР, обусловленное беспокойством по поводу роста активности КНР в пределах важнейших транспортных коридоров между Европой и Восточной Азией. Недаром «Руководящие принципы» подчеркивают важность обеспечения свободного прохода судов в том числе и через Малаккский пролив, соединяющий Южно-Китайское море и Индийский океан. Берлин все более настороженно относится и к стратегии субпродаж, которую Китай активно реализует на территории ИТР, подозревая Пекин в желании обеспечить себе таким образом доступ к как можно большему числу портовых сооружений и военно-морских объектов в регионе.

В КНР, в свою очередь, на публикацию «Руководящих принципов» отреагировали вполне ожидаемо [Paul, Swistek, 2021]: официальный Пекин считает сам термин ИТР¹ крайне политизи-

¹ Сам термин «Индо-Тихоокеанский регион», как и концепция «Free and open Indo-Pacific» (свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион), закрепились в официальных документах и экспертном дискурсе после Восточноазиат-

рованными, направленным против интересов Китая и в принципе маргинальным с точки зрения международного дискурса. Поэтому Пекин закономерно рассматривает артикулирование и реализацию Германией концепции ИТР как признак деградации своих двусторонних отношений с Берлином, очередную попытку навязать Китаю «западные» правила игры.

Действительно, концепция ИТР с самого начала де-факто рассматривалась всеми сторонами как стратегическое взаимодействие демократий региона, направленное на «сдерживание» Китая: тогдашний премьер-министр Японии Синдзо Абэ образно назвал сотрудничество между США, Австралией, Японией и Индией «азиатским демократическим бриллиантом безопасности» (цит. по: [Suzuki, 2016]). Основной движущей силой в противодействии росту военного потенциала Пекина в регионе вполне ожидаемо стал Вашингтон: «Стратегия национальной безопасности США» [Interim ..., 2021] и «Стратегия национальной обороны США» [Fact sheet ..., 2022] рассматривают ИТР как регион, имеющий первостепенное значение для внешней политики США. В марте 2021 г. адмирал Ф. Дэвидсон, возглавлявший в то время Индо-Тихоокеанское командование ВС США (IDOPACOM), заявил, что, по имеющимся оценкам, в течение ближайших пяти-шести лет военный потенциал Пекина поможет последнему полностью изменить баланс сил в Восточной Азии (см.: [Engman, Stünkel, 2021]). Речь прежде всего идет, конечно, о Восточно-Китайском, Южно-Китайском морях и Тайваньском заливе. Положительная динамика отмечается и в отношении китайских ресурсов «мягкой» силы: в глобальном индексе «мягкой» силы в 2022 г. КНР переместилась с восьмого на четвертое место в мире [Global ..., 2022].

После утраты безусловного превосходства ВС США над Народно-освободительной армией Китая (НОАК) в Индо-Тихоокеанском регионе (и после признания этого факта) Вашингтон изменил стратегию противостояния Пекину: теперь для предотвращения

ского саммита в Маниле (ноябрь 2017 г.), в рамках которого состоялась встреча участников из США, Австралии, Японии и Индии. Эти кулуарные переговоры были восприняты как серьезный геополитический сдвиг в так называемой «глобальной Азии» [Brattberg, Le Corre, 2019].

доминирования КНР на море, на суше, в воздухе и в космосе США рассчитывают развернуть в ИТР системы противоракетной и противовоздушной обороны с опорой на острова Бонин, Марианские острова и далее до Новой Гвинеи, а также нарастить космическую группировку систем обнаружения и слежения для своевременного реагирования на активность Китая в ИТР [Pacific ..., 2021]. Вашингтон, отказавшийся от своей доктрины «экспорта демократий» в пользу защиты либеральных ценностей «коллективного Запада» от авторитарных режимов, крайне заинтересован в создании коалиции союзников и в расширении традиционной зоны ответственности Североатлантического альянса. По словам генсека НАТО Й. Столтенберга, новая Стратегическая концепция Альянса «впервые будет учитывать растущее влияние и политику принуждения Китая на мировой арене, которые представляют собой системный вызов нашей безопасности и нашим демократиям» (цит. по: [Строкань, 2022]). «Каждый раз, когда авторитарные державы противодействуют международному порядку, основанному на правилах, для демократий становится еще важнее объединиться и защитить наши ценности. Потому я ожидаю, что мы согласимся углубить сотрудничество НАТО с нашими партнерами в Индо-Тихоокеанском регионе», – подчеркнул Й. Столтенберг [Ibid.].

Вполне естественно, что подобная риторика со стороны Альянса вызвала возмущенную реакцию Пекина. Выступая 20 марта 2022 г. на IV Международном форуме по безопасности и стратегии, заместитель министра иностранных дел КНР Лэ Юйчэн заявил, что НАТО «в последние годы зашла так далеко, что играет мускулами в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [Le Yucheng, 2022].

15 сентября 2021 г. президент США Джо Байден и премьер-министры Австралии С. Моррисон и Великобритании Б. Джонсон объявили о создании трехстороннего партнерства в сфере безопасности AUKUS [AUKUS ..., 2021]. Белый дом заявил, что целью AUKUS является «обеспечение долгосрочного мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе» (подробнее см.: [Арзаманова, 2022]). Очевидно, что, несмотря на обтекаемые формулировки, появление нового альянса в сфере безопасности было обусловлено стремлением США «притормозить» рост геостратегического по-

тенциала Пекина путем создания системы «сдерживания» КНР в этом ключевом регионе. Первой громкой инициативой AUKUS, имеющей потенциал для изменения баланса сил в регионе, стало обещание Вашингтона и Лондона помочь Канберре создать собственный атомный подводный флот из восьми субмарин с ядерными силовыми установками, поделившись своими технологиями в этой области, – сделка, беспрецедентная по масштабам для практики продаж атомных субмарин, тем более что речь идет о такой чувствительной сфере, как передача ядерных технологий.

Реакция официального Берлина на создание AUKUS была весьма сдержанной: МИД Германии заявил, что «принял к сведению» создание блока, отметив, что этот шаг «отражает возросшее значение Индо-Тихоокеанского региона» (цит. по: [Vorutta, 2021]). При этом реакция аналитического сообщества и СМИ ФРГ была куда более негативной: эксперты писали о новой холодной войне и деформации трансатлантического партнерства [Kornelius, 2021; Spang, 2021]. Общий настрой кратко, но точно выразил бывший постпред ФРГ в ООН К. Хойсген, заявивший, что создание AUKUS привело к значительной утрате доверия к администрации Дж. Байдена со стороны ФРГ [Amerikas ..., 2021]. Не менее бурную реакцию вызвало последовавшее в апреле 2022 г. трехстороннее заявление о планах союзников по разработке в рамках AUKUS гиперзвукового оружия и аналогичных средств защиты [Press release ..., 2022].

В Пекине на вышеуказанные планы отреагировали вполне предсказуемо: официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь заявил, что «это не только увеличивает риск распространения ядерного оружия, ставит под удар международный режим нераспространения ядерного оружия, но также обостряет гонку вооружений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подрывает мир и стабильность в АТР» (цит. по: [Строкань, 2022]).

Очевидно, что как минимум в кратко- и среднесрочной перспективе напряженность между США (и коалициями их союзников) и КНР будет неуклонно возрастать. Это неизбежно увеличивает прямые риски безопасности в регионе: любая крупномасштабная инициатива по налаживанию сотрудничества со странами ИТР в

военной области может привести к росту недоверия со стороны «оставшихся за бортом» инициативы игроков и спровоцировать рост напряженности в регионе. Премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун в своей нашумевшей статье для журнала «Foreign Affairs» «Над азиатским веком нависла угроза» подчеркнул, что риски, продуцируемые конфликтом Соединенных Штатов и Китая, «раскачивают» Азию и значительно тормозят рост ее экономики [Loong Lee, 2020].

Цели и риски стратегии Германии на главном геостратегическом театре действий

Очевидно, что все европейские концепции по ИТР являются по сути реакцией на подъем Китая (при одновременном стремлении сохранить взаимодействие с КНР). Германия не является в этом отношении исключением. До принятия «Руководящих принципов» отношения ФРГ и КНР определялись исключительно взаимодействием в торгово-экономической сфере. И тем не менее, хотя германская стратегия в ИТР не имеет ярко выраженной антикитайской направленности, сам факт принятия «Руководящих принципов» можно рассматривать как определенный стратегический поворот, предполагающий интегрирование в двусторонние отношения ФРГ с КНР геополитической повестки, включая вопросы безопасности и соблюдения прав человека. Хотя КНР является крупнейшим торговым партнером ФРГ вне ЕС, официальный Берлин, как и ЕС в целом, с 2019 г. рассматривает Китай тройко: как партнера по сотрудничеству, экономического конкурента и системного соперника [Joint communication ..., 2021]. В «Руководящих принципах» Китай назван «растущей мировой державой, которая в некоторых областях ставит под сомнение правильный международный порядок» [Leitlinien ..., 2020]. Представляется, что подоплекой этого стратегического маневра в конечном итоге является не только желание иметь право голоса и не быть сторонним наблюдателем в разворачивающемся геополитическом противостоянии США и Китая, но стремление реагировать на растущую напряженность между крупными игроками Индо-Тихоокеанского региона, такими как Нью-Дели и Пекин. Это особенно актуально на фоне неопределенности формирующегося миропорядка и

происходящего демонтажа послевоенной архитектуры безопасности, сложившейся в середине XX в. Таким образом, стратегия Германии в ИТР направлена на достижение следующих целей:

1) укрепление позиций национального бизнеса в регионе и защита морских и сухопутных путей;

2) интенсификация регионального сотрудничества на двусторонней основе и с использованием мультиформатных платформ (с опорой на АСЕАН, так как Берлину близка позиция этой организации, рассматривающей ИТР прежде всего как площадку для конструктивного сотрудничества, а не конфронтации) во избежание попадания стран региона в зависимость от крупного игрока, каким является Китай;

3) сдерживание активно растущего военно-политического потенциала Китая в ИТР.

С точки зрения собственных экономических интересов для Германии крайне важным представляется обеспечение «свободы общих пространств». Одна из ее главных целей в ИТР – стремление избежать «односторонней зависимости» путем диверсификации экономического сотрудничества со странами региона [Leitlinien ..., 2020]. В Берлине отчетливо понимают, что «поляризация» противостояния по линии США – КНР оставит остальных игроков «за бортом» политики в этом важнейшем в стратегическом отношении регионе. Также в случае «поляризации» расстановки сил в ИТР весьма вероятен рост напряженности между США и Китаем, от чего пострадают остальные региональные игроки.

Берлин, «вытесненный» из Азии после окончания Второй мировой войны, принял решение расширить свое присутствие в ИТР. В августе 2021 г. фрегат «Бавария» отправился в семимесячный поход по акваториям ИТР с целью «продемонстрировать присутствие» и выразить солидарность с союзниками в деле обеспечения стабильности и безопасности в регионе [Asiens ..., 2020]. Программа похода включала участие в учениях совместно с ВМС Австралии, Японии, Сингапура и США, заход в порты Австралии, Японии, Сингапура, Южной Кореи и Вьетнама [Трунов, 2022]. Кроме того, по пути фрегат принял участие в операции НАТО «Морской страж» в Центральном Средиземноморье и в операции

«Аталанта» под эгидой ЕС по борьбе с пиратством у берегов Восточной Африки. Но при этом правительство ФРГ решительно отказалось от любого взаимодействия с мощной авианосной ударной группой Великобритании, развернутой в ИТР и принимавшей участие в учениях НАТО «Exercise Steadfast Defender» и в операции Альянса «Sea Guardian» (в которой также принимали участие американский эсминец «Салливанс» и фрегат ВМФ Нидерландов «Эверстен»). Изначально планировался заход «Баварии» и в китайский порт, однако правительство КНР в итоге решило не рассматривать подобную возможность.

В декабре 2021 г. командующий ВМФ ФРГ вице-адмирал К.-А. Шенбах посетил Сингапур; основной целью его визита была активизация взаимодействия со странами ИТР, в том числе координация усилий по снижению рисков безопасности (включая сотрудничество по строительству субмарин) [The global ..., 2021]. Стороны подтвердили, что будут и впредь прилагать усилия к «сохранению международного порядка на море, основанного на правилах». При этом германская сторона объявила, что главной целью визита является «стремление продемонстрировать, что ФРГ отстаивает свои ценности и интересы вместе с партнерами и союзниками» на фоне «незаконных и широкомасштабных притязаний в Южно-Китайском море». В ходе визита К.-А. Шенбах подтвердил, что Германия намерена расширять свое присутствие в регионе: в дальнейшем планируется задействовать уже два военных корабля, а начиная с 2023 г. к ним присоединятся и самолеты ВС ФРГ [Ibid.].

Поскольку возможности Германии в использовании своего ВМФ ограничены (в том числе в связи с наличием иных обязательств в рамках ЕС), Берлин должен будет использовать другие окна возможностей для того, чтобы стать значимым игроком в ИТР. Речь идет о создании сети новых форматов регионального взаимодействия с Австралией (договор о стратегическом партнерстве между Берлином и Канберрой был заключен еще в 2013 г.), Японией, Индонезией, Сингапуром, Южной Кореей. При этом сохраняется акцент на сотрудничестве с АСЕАН. Кроме того, Германия вполне ожидаемо делает ставку на интенсификацию связей

с Индией, обладающей третьим в мире военным бюджетом¹ и играющей ключевую роль в ИТР. В 2019 г. Берлин и Нью-Дели договорились укреплять стратегическое сотрудничество в области торговли, безопасности, кибербезопасности и использования искусственного интеллекта [Rinke, Shah, 2019]. Германия в том числе приняла на себя обязательства по модернизации индийского подводного флота (стоимость уже заключенных контрактов превышает 5,5 млрд долл.); также было согласовано участие ВМФ обеих стран в совместных операциях [Singh, 2019].

В последнее время ФРГ значительно укрепила двусторонние связи с Японией: катализатором сотрудничества служит приверженность обеих стран принципам свободной торговли. В апреле 2021 г. состоялся первый японо-германский диалог министров обороны и иностранных дел в формате «2+2»; кроме того, было принято решение о создании межправительственной комиссии. В августе 2021 г. германский фрегат «Бавария» принял участие в совместных военно-морских учениях в Тихом океане к югу от Токио совместно с японским эсминцем «Самидарэ» [Cook, 2021, p. 57].

В ходе встречи министров обороны Южной Кореи С. Ука и ФРГ А. Крамп-Карренбауэр в Сеуле (май 2021 г.) была достигнута договоренность о том, что обе страны предпримут совместные усилия для развития двусторонних отношений в сфере безопасности в ИТР [Seok-min, 2021]. С. Ук подчеркнул, что Германия и Южная Корея могут быть «оптимальными партнерами для реализации общих интересов в регионе, учитывая их историю, геополитику и стратегические особенности» [Ibid.].

Берлин также намерен усилить дипломатическую активность во взаимоотношениях с Таиландом (в 2020 г. ФРГ поставила в эту страну партию легких вертолетов H145M), Камбоджей, Мьянмой, активизировать региональное сотрудничество с АСЕАН, «Инициативой Бенгальского залива по многоотраслевому техническому и экономическому сотрудничеству», Ассоциацией регионального сотрудничества стран Южной Азии, Ассоциацией стран

¹ 76,6 млрд долл. на 2021 г. [Расходы ..., 2022].

бассейна Индийского океана, Ассоциацией Индийского океана [Leitlinien ..., 2020].

В начале 2020-х годов в ИТР наметилась тенденция к большей координации усилий Франции и Великобритании: по сравнению с этими странами Германия является новичком в региональной «большой игре». Но определенным преимуществом для Германии при налаживании региональных связей могут стать неудачи региональной политики Великобритании, которая, несмотря на длительное и активное присутствие в ИТР, в итоге так и не смогла эффективно наладить региональное сотрудничество. Согласно опросам, лишь 1,8% респондентов из стран – участниц АСЕАН рассматривают Лондон как перспективного торгового партнера [Губин, 2022]. Причина этого, скорее всего, в том, что активно развивающееся в ИТР военно-техническое сотрудничество Великобритании с США неизбежно способствует росту напряженности, притом что Лондон до сих пор не смог ничего предложить странам – участницам АСЕАН в плане укрепления их безопасности.

Наиболее удобной региональной платформой для обсуждения военно-политических вопросов в ИТР Берлин считает «Четырехсторонний диалог по безопасности» (*англ.* Quad group of nations, QUAD), которому Вашингтон в последнее время явно намеревается придать функционал своего рода «Тихоокеанской НАТО». Германия также участвует в деятельности рабочей группы «Европейской инициативы вмешательства» (*англ.* European Intervention Initiative, EI2), в рамках которой ведется обсуждение вопросов региональной безопасности в Индийском океане; кроме того, Берлин намерен вести более активную деятельность в рамках Симпозиума военных флотов стран Индийского океана (*англ.* Indian Ocean Naval Symposium, IONS), где ФРГ имеет статус наблюдателя [Paul, Swistek, 2021]. Поскольку Германия как крупная держава-экспортер жизненно заинтересована в обеспечении безопасности морских торговых путей в ИТР, она на регулярной основе участвует в региональных морских учениях и операциях по борьбе с пиратством в Индийском океане. В качестве инструментария для содействия обеспечению безопасности в ИТР Берлин

также использует участие в региональных диалогах по безопасности и обмен информацией.

Тем не менее приходится констатировать, что на практике отдельные положения «Руководящих принципов» до сих пор остаются нереализованными: в особенности это касается дифференциации региональных связей. Федеральный канцлер и члены кабинета министров ФРГ проводят встречи с китайскими коллегами значительно чаще, чем с должностными лицами других государств региона; межправительственные консультации пока ограничиваются диалогом с Пекином и Нью-Дели; китайский рынок по-прежнему остается приоритетным для крупных германских концернов, однако, если Берлин всерьез намерен стать крупным игроком в ИТР, список его партнеров должен быть значительно расширен.

Таким образом, по сути, весь спектр инициатив, предполагаемый «Руководящими принципами политики для Индо-Тихоокеанского региона», не особенно отличается от прежней внешнеполитической повестки, которую Германия реализовывала в регионе. Но формально, на текстуальном уровне, этот документ, безусловно, знаменует отказ от концепции взаимодействия в ИТР исключительно в торгово-экономической сфере в пользу политизированной повестки дня. Принципы взаимоотношений ФРГ с растущим и в политическом, и в военном отношении Китаем требуют переформатирования в новой системе координат с учетом вопросов, связанных с соблюдением прав человека, контролем над вооружениями, таможенной и климатической политикой. Последняя, будучи обусловлена поиском оптимального баланса интересов с учетом градации рисков, является одним из основных вызовов во взаимодействии Германии с КНР: выбросы парниковых газов с территории Китая превышают выбросы стран всей Большой семерки в совокупности, но при этом Пекин опережает все остальные государства в использовании возобновляемых источников энергии [China's Xi ..., 2021].

В своем выступлении от 18 марта 2022 г. глава МИД ФРГ А. Бербок заявила, что КНР использует инвестиции в инфраструктуру как инструмент своей внешней политики и политики безо-

пасности: «Если вы посмотрите, в каких странах Китай инвестировал в электроснабжение, то увидите, что именно в этих странах вопросы суверенитета, территориальной целостности, вопросы меньшинств и прав человека стоят довольно остро» [Rede ..., 2022]. В этой связи глава внешнеполитического ведомства отметила, что Германия в ближайшее время разработает отдельную новую стратегию в отношении КНР.

«Партия в трехмерные шахматы»: борьба за стратегическое влияние в Индо-Тихоокеанскими регионе

Таким образом, хотя это и не имеет документального подтверждения, можно считать, что Германия де-факто отошла от нейтральной позиции и выбрала сторону в будущем глобальном противостоянии. Безусловно, у Берлина, как и у других партнеров США, сохраняются вполне обоснованные сомнения относительно надежности Вашингтона как стратегического союзника. Озвученный в свое время Д. Трампом лозунг «Америка прежде всего» во многом продолжает оставаться лейтмотивом внешней политики администрации Дж. Байдена. Вашингтон по-прежнему придерживается принципа одностороннего принятия решений даже в тех случаях, когда их последствия могут повлиять на безопасность союзников или изменить геополитический ландшафт. Однако с точки зрения интересов Германии стратегическое партнерство с Соединенными Штатами в ИТР пока не имеет альтернативы. Во время встречи в Вашингтоне (июнь 2021 г.) министры обороны США Л. Остин и ФРГ А. Крамп-Карренбауэр подтвердили, что обе страны готовы совместно противостоять политике и действиям «стратегических конкурентов». Главы оборонных ведомств посетили авианосец «Гарри Трумэн» на военно-морской базе Норфолк в Вирджинии, дабы подчеркнуть «прочное военное сотрудничество между США и Германией, взаимную приверженность углублению сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе» [Министры ..., 2021].

Военное сотрудничество обеих стран в ИТР действительно имеет прочную основу: Германия задействована в базирующейся в Бахрейне Объединенной оперативной группе 150 (*англ.* Combined Task Force 150) под руководством США, в задачи которой входит

обеспечение безопасности побережья Африканского рога на западе Индийского океана. ФРГ также регулярно участвует в проводимых под эгидой ВМФ США в Тихом океане крупнейших в мире военно-морских учениях RIMPAC (*англ.* Rim of the Pacific Exercise) [Brattberg, Le Corre, 2019]. Однако для ФРГ возможности сотрудничества с США в ИТР ограничены, с одной стороны, нежеланием значительно ужесточать тон в отношении Китая, с другой – тем, что односторонний подход Вашингтона к принятию решений не может не оказывать негативного влияния и на уровень доверия, и на качество коммуникаций между союзниками.

Между тем определенные риски для Германии просматриваются уже в краткосрочной перспективе. Очевидно, что конфликт с Китаем будет во многом определять внешнюю политику США, поскольку: а) он в принципе будет определять геополитические контуры XXI в.; б) в отношении этого конфликта в США сложился надежный двухпартийный консенсус. Следовательно, противостояние США с КНР является фактором, способствующим консолидации американских элит и укреплению устойчивости политической системы США в целом. Для Германии, одной из ведущих стран ЕС, чрезвычайно важны предстоящие президентские выборы в США в 2024 г. и связанная с ними главная интрига: вернется ли в Белый дом Д. Трамп и если да, то изменится ли внешнеполитическая манера Соединенных Штатов в сторону еще большей односторонности в принятии решений? Подобный сценарий в Берлине рассматривают как крайне негативный, поскольку уже на данном этапе противостояния США и КНР Германия в большей степени, чем все остальные европейские союзники Вашингтона, испытывает на себе издержки растущей напряженности в ИТР. Пекин является крупнейшим двусторонним торговым партнером ФРГ: китайские инвестиции в европейские стартапы удвоились в 2021 г. и достигли 1,2 млрд евро, и именно Германия занимает первое место в этом списке «реципиентов» [Chinese ..., 2022].

По мере того как экономический рост Китая, сопровождающийся расширением военного инструментария, будет во все большей степени конвертироваться в политическое влияние, противостояние Вашингтона и Пекина станет обостряться и может

обрести вид полноценной «прокси-войны» вблизи Тайваня. Эта ситуация естественным образом подталкивает Берлин к выводу о необходимости получить право собственного голоса – усилить стратегическую самостоятельность европейской составляющей, того самого стратегического суверенитета Европы, о котором так много говорят в последнее время в ЕС. И здесь Германии предстоит крайне трудная задача: в тандеме с Парижем (где не устают повторять слова Ф. Миттерана о том, что Франция – часть европейского континента, а не просто балкон с видом на Атлантику) в рамках ЕС взять «штурвал на себя», сместить акценты с внутренних проблем интеграционной модели на внешний контур. Но это невозможно без внутренней реорганизации ЕС, в том числе и в отношении существующего принципа принятия решений. В германских политических кругах уже разворачивается дискуссия о возможности замены принципа единогласия при принятии Евросоюзом внешнеполитических решений на принцип простого большинства [Speech ..., 2022], что позволило бы франко-германскому тандему проводить более активную политику за счет тех государств, у которых на данный момент есть соответствующий ресурс и политическая воля. В свете последних событий ЕС будет вынужден продвигаться к стратегической автономии для достижения военно-политической субъектности, приняв ответственность прежде всего за обеспечение безопасности на континенте. Для Германии, впервые после окончания Второй мировой войны решившейся беспрецедентно увеличить военный бюджет и численность своей армии, а также отказаться от существовавшего долгое время табу на поставки вооружений в регионы конфликтов, крайне важно при этом избежать обвинений в чрезмерной ремилитаризации.

Беспокойство Берлина в отношении того, что активность КНР на торгово-транспортных путях, связывающих Восточную Азию с Европой и Африкой, постоянно возрастает и Пекин создает там свои зоны влияния (в том числе путем продвижения инициативы «Один пояс, один путь»), гарантирует, что акцент на ИТР во внешней политике Германии будет сохраняться и даже усиливаться. Если Германия на практике пересмотрит принципы своей

внешней политики и откажется от многих внешнеполитических табу XX в., это неизбежно будет иметь последствия и для ее политики в ИТР, где интересы ФРГ и США зачастую расходятся. Представляется, что возможная ремилитаризация Германии и возвращение страны к активной военной политике имеют определенный конфликтный потенциал: достижение внешнеполитической субъектности ЕС в сжатые сроки на основе совместных усилий франко-германского тандема и переоснащение бундесвера возможны только за счет американского ВПК, что автоматически усилит зависимость ФРГ от своего заокеанского союзника и неизбежно скажется на возможности принятия ею самостоятельных решений.

Поскольку фокус мировой истории в глобальном измерении смещается из Евроатлантики в ИТР, фундаментальной целью стратегии ФРГ в ИТР является изменение роли Германии в этом регионе: от функции наблюдателя к роли активного игрока. Главной задачей при этом становится усиление военного присутствия Германии в ИТР путем адаптации ее внешнеполитического инструментария к новым формам регионального сотрудничества. В рамках стратегического планирования ФРГ обозначает в ИТР следующие приоритеты: диверсификацию экономических и политических контактов со странами ИТР и крупными «внешними» игроками; создание новых устойчивых инвестиционных механизмов и инфраструктурных проектов в регионе; решение вопросов морской безопасности; сотрудничество в области охраны окружающей среды и совместного освоения природных ресурсов. Декларируемая правительством Германии цель – инклюзивный и основанный на правилах порядок в ИТР.

При этом ее «Руководящие принципы политики для Индо-Тихоокеанского региона» (2020), по сути, представляют собой не четкую концепцию, а скорее набор из уже существующих или запланированных внешнеполитических инициатив. Для того чтобы этот расплывчатый документ обрел контуры четкой стратегии, Германии помимо структурирования собственной активности в

регионе необходимо выработать новые подходы к сотрудничеству с государствами ИТР, не являющимися крупными игроками. Наиболее перспективным для Берлина стало бы создание в ИТР широкого круга региональных контактов с опорой как на многосторонние площадки, такие как АСЕАН, так и на новые диалоговые мини-форматы и двусторонние связи на основе концептуального совпадения интересов. В этом отношении Германия продвигает свою внешнеполитическую повестку, согласно которой противостоянием растущей конкуренции великих держав в ИТР может стать приверженность принципам свободной торговли и основанному на правилах международному порядку. Представляется, что крайне ограниченные возможности Германии проецировать в ИТР свою военную мощь увеличивают ее привлекательность в качестве «мягкой» силы и даже являются определенным преимуществом: поскольку Берлин упорно избегает жесткой риторики в адрес Китая, он может привлечь к себе те государства региона, которые хотели бы избежать обвинений в конфронтационном поведении со стороны Пекина. В случае необходимости Берлин мог бы выступать в роли медиатора, прилагая усилия по уменьшению рисков спонтанной конфронтации в регионе.

Одним из главных рисков безопасности в ИТР является возможность столкновения конкурентных стратегий двух крупнейших региональных игроков – Индии и Китая. Но задачей-максимум для Германии все равно останется стремление если не взять под контроль, то хотя бы уменьшить риски прямой конфронтации между США и КНР в регионе. Можно с уверенностью сказать, что основным вызовом для политики ФРГ в ИТР является возможность консолидации здесь биполярных структур. В регионе уже наблюдается формирование так называемой «ловушки безопасности»: противостояние США и КНР приводит к тому, что каждая из сторон ощущает возрастающую угрозу со стороны своего визави, предпринимает ответные шаги, и в результате раскручивается маховик напряженности, генерируя потенциальные риски как для региональных держав, так и для присутствующих в регионе «внешних» игроков. ФРГ как крупная держава-экспортер крайне заинтересована в том, чтобы нивелировать риски американо-

китайского противостояния в Индо-Тихоокеанском регионе, который обеспечивает 60% роста мировой экономики. Поэтому самостоятельная и взвешенная региональная политика Германии и ее европейских союзников (в первую очередь Франции), основанная на поиске баланса интересов, могла бы способствовать более мягкому структурированию зон влияния в ИТР, особенно при активном продвижении многосторонних подходов. Таким образом, ключевой интерес Германии в ИТР – постараться избежать возможной поляризации сил в регионе.

При проведении своей политической линии в ИТР Германия может столкнуться также с определенным внутренним конфликтом интересов, вызванным ее текущим «внешнеполитическим апгрейдом». С одной стороны, Берлин стремится к достижению европейского стратегического суверенитета, что обусловлено его желанием смягчить риски от конфронтации между США и КНР, с другой – в условиях обострившегося противостояния по линии РФ – «коллективный Запад» и проведения курса на ремилитаризацию (которая в краткосрочной перспективе возможна только за счет американского ВПК) ФРГ попадает в еще большую зависимость от США. Экспорт вооружений всегда сопряжен с параллельным трансфером внешнеполитических интересов продавца на рынок страны-экспортера. А поскольку своей ключевой стратегической целью на ближайшие годы Вашингтон считает установление тотального доминирования США в ИТР – на море, на земле, в воздухе, в космосе, а также в киберпространстве, – Берлину, если он хочет остаться в «большой игре» в рамках ИТР, поневоле придется ориентироваться на предложенный Вашингтоном формат, который де-факто не предполагает европейской самостоятельности.

Уже сейчас можно констатировать, что Германии придется определять контуры своей внешней политики в ИТР в матрице формирующегося крупного «геополитического разлома» по линии США – КНР. На фоне этого глобального противостояния в условиях крайней неопределенности и неустойчивости формирующегося миропорядка конкуренцию между великими державами будут дополнительно усугублять социально-экономические и

политические последствия климатических изменений. Крайне важно в этой связи, чтобы эпоха вернувшегося противостояния крупных игроков не перешла в фазу «войны всех против всех». При стратегическом планировании своего внешнеполитического курса в ИТР Германии еще предстоит найти баланс трансатлантических, европейских и собственно германских интересов, притом что в качестве крупнейшей страны-экспортера ее интересы определяются прежде всего категориями экономики и экспорта/импорта технологий, а в качестве ведущей европейской державы – все в большей степени детерминируются геополитическими соображениями. Однако возврата к чисто экономическому присутствию ФРГ в ИТР уже не будет: на этом этапе развития международных отношений (впервые с момента окончания холодной войны) экономика проиграла геополитике.

Литература/References

Арзаманова Т.В. (2022). «Техасский холдем»: переход от матрицы стратегической стабильности к новым основам миропорядка // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 1. – С. 30–57 [Arzamanova T.V. (2022). «Texas hold'em»: transition from the strategic stability matrix to the new framework of the world order [*«Tekhasskii kholdem»: perekhod ot matritsy strategicheskoi stabil'nosti k novym osnovam miroporjadka*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 1. – P. 30–57] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.01.02.

Губин А. (2022). Маленькая Британия в большом Индо-Тихоокеанском регионе // РСМД. – Москва. – 12.05. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/malenkaya-britaniya-v-bolshom-indo-tikhookeanskom-regione/> (дата обращения: 06.08.2022) [Gubin A. (2022). Little Britain in the Great Indo-Pacific [*Malen'kaya Britaniya v bol'shom Indo-Tikhookeanskom regione*] // RIAC. – Moscow. – 12.05. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/malenkaya-britaniya-v-bolshom-indo-tikhookeanskom-regione/> (date of access: 06.08.2022)] (In Russian).

Лакстыгал И., Мишутин Г. (2022). Военные расходы в мире гораздо выше затрат на энергопереход и борьбу с голодом // Ведомости. – Москва. – 24.04. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/04/26/919722-voennye-rashodi-v-mire> (дата обращения: 06.08.2022) [Lakstygal I., Mishutin G. (2022). Military spending in the world is much higher than the cost of energy transition and the fight against hunger [*Voennye rashody v mire gorazdo vyshhe zatrat na energoperekhod i bor'bu s golodom*] // Vedomosti. –

Moscow. – 24.04. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/04/26/919722-voennie-rashodi-v-mire> (date of access: 06.08.2022)] (In Russian).

Министры обороны США и Германии подтвердили готовность к совместному противостоянию «стратегическим конкурентам». (2021) / Интерфакс-АВН. – Москва. – 09.07. – URL: <https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=552572> (дата обращения: 06.08.2022) [The defense ministers of the United States and Germany confirmed their readiness for a joint confrontation with «strategic competitors» [*Ministry oborony SShA i Germanii podtverdili gotovnost' k sovmestnomu protivostoyaniyu «strategicheskim konkurentam»*]. (2021) / Interfax-AVN. – Moscow. – 09.07. – URL: <https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=552572> (date of access: 06.08.2022)] (In Russian).

Расходы стран мира на военные нужды превысили \$2 трлн. (2022) // РБК. – Москва. – 25.04. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/04/2022/62660d739a794755712a47e4> (дата обращения: 06.08.2022) [Military spending by countries around the world exceeded \$2 trillion [*Raskhody stran mira na voennye nuzhdy prevysili \$2 trln*]. (2022) // RBC. – Moscow. – 25.04. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/04/2022/62660d739a794755712a47e4> (date of access: 06.08.2022)] (In Russian).

Строкань С. (2022). НАТО расширяется на Дальний Восток // Коммерсантъ. – Москва. – 06.04. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5295060> (дата обращения: 06.08.2022) [Strokan' S. (2022). NATO is expanding to the Far East [*NATO rasshiraetsya na Dal'nii Vostok*] // Kommersant. – Moscow. – 06.04. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5295060> (date of access: 06.08.2022)] (In Russian).

Трунов Ф.О. (2022). Особенности стратегического проникновения ФРГ на Дальний Восток в начале 2020-х годов // Проблемы Дальнего Востока / Институт Дальнего Востока РАН. – Москва. – № 1. – С. 68–80 [Trunov Ph.O. (2022). Features of the strategic penetration of Germany into the Far East in the early 2020 s [*Osobennosti strategicheskogo proniknoveniya FRG na Dal'nii Vostok v nachale 2020-kh gg.*] // Problems of the Far East / Institute of the Far East RAS. – Moscow. – N 1. – P. 68–80] (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120018314-6.

Amerikas Alleingang löst ein großes Beben aus. (2021) / Bolzen S., Kaiser T., Meister M., Volkmann-Schluck Ph. // Die Welt. – Berlin. – 21.09. – URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/plus233903192/Militaerbuendis-Aukus-Alleingang-der-USA-loest-ein-grosses-Beben-aus.html> (date of access: 06.08.2022).

Asiens Schlüsselmeer : Marine plant Entsendung eines Kriegsschiffes in den Indischen Ozean – als Teil der militärischen Positionierung gegen China.

(2020) // German-Foreign-Policy.com. - Aachen. - 07.04. - URL: <https://www.german-foreign-policy.com/news/detail/8239> (date of access: 06.08.2022).

AUKUS : die Aufrechterhaltung der Einheit des Westens wird «viele Anstrengungen erfordern», sagt ein deutscher Beamter, während Frankreich über ein Atom-U-Boot-Deal wütet. (2021) // Germanic.News. - 18.09. - URL: <https://germanic.news/aukus-die-aufrechterhaltung-der-einheit-des-westens-wird-viele-anstrengungen-erfordern-sagt-ein-deutscher-beamter-waehrend-frankreich-uber-ein-atom-u-boot-deal-wuetet-weltnachrichten/> (date of access: 06.08.2022).

Borutta J. (2021). Unsere Partner müssen die Augen öffnen // Tagesschau. - Hamburg. - 25.09. - URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/aukus-frankreich-deutschland-101.html> (date of access: 06.08.2022).

Brattberg E., Le Corre Ph. (2019). The case for transatlantic cooperation in the Indo-Pacific / Carnegie Endowment for International Peace. - Washington, D.C. - 18.12. - URL: <https://carnegieendowment.org/2019/12/18/case-for-transatlantic-cooperation-in-indo-pacific-pub-80632> (date of access: 06.08.2022).

China's Xi to address Glasgow COP26 in written statement on Monday. (2021) // Reuters. - London. - 01.11. - URL: <https://www.reuters.com/world/chinas-xi-address-glasgow-cop26-written-statement-monday-2021-11-01/> (date of access: 06.08.2022).

Chinese companies file record number of European patent applications in 2021. (2022) // Mondaq. - London. - 27.04. - URL: <https://www.mondaq.com/china/patent/1186814/chinese-companies-file-record-number-of-european-patent-applications-in-2021> (date of access: 06.08.2022).

Cook M. (2021). Europe's Indo-Pacific adoption : two Southeast Asian challenges // Securing the Indo-Pacific : expanding cooperation between Asia and Europe / Joshi Y., Nishida I., Rajeev N. (Eds.). - P. 50-57. - URL: <https://www.isas.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2021/12/ISAS-Discussion-Paper-FINAL.pdf> (date of access: 06.08.2022).

Engman M., Stünkel L. (2021). Taiwan and the AUKUS : a double-edged sword for Taipei? / Institute of Security and Development Policy. - Stockholm. - 15.11. - URL: <https://isdpeu/taiwan-aukus-regional-implications/> (date of access: 06.08.2022).

Fact sheet : 2022 National defense strategy. (2022) / US Department of Defence. - Washington, D.C. - 2 p. - URL: <https://media.defense.gov/2022/Mar/28/2002964702/-1/-1/1/NDS-FACT-SHEET.PDF> (date of access: 06.08.2022).

Global soft power index 2022 : USA bounces back better to top of nation brand ranking. (2022) // Brand Finance. – Washington, D.C. – 15.03. – URL: <https://brandfinance.com/press-releases/global-soft-power-index-2022-usa-bounces-back-better-to-top-of-nation-brand-ranking> (date of access: 06.08.2022).

Interim national security strategic guidance. (2021) / The White House. – Washington, D.C. – 24 p. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (date of access: 06.08.2022).

Joint communication to the European Parliament and the Council : EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific. (2021) / European Commission. – Brussels. – 16.09. – 18 p. – URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (date of access: 06.08.2022).

Kornelius S. (2021). Der neue Kalte Krieg // Süddeutsche Zeitung. – Munich. – 16.09. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/meinung/china-usa-australien-u-boote-pazifik-1.5412701> (date of access: 06.08.2022).

Leitlinien zum Indo-Pazifik : Deutschland–Europa–Asien : das 21. Jahrhundert gemeinsam gestalten. (2020) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 72 S. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2380500/33f978a9d4f511942c241eb4602086c1/200901-indo-pazifik-leitlinien--1--data.pdf> (date of access: 06.08.2022).

Le Yucheng. (2022). Cherish peace, work together in unity, and pursue a win-win future for the Asia-Pacific / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – Beijing. – 19.03. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjbxw/202203/t20220319_10653460.html (date of access: 06.08.2022).

Loong Lee H. (2020). The endangered Asian century : America, China, and the perils of confrontation // Foreign Affairs. – New York. – July/August. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2020-06-04/lee-hsien-loong-endangered-asian-century> (date of access: 06.08.2022).

Pacific deterrence initiative. (2021) / US Department of Defense. – Washington, D.C. – 25.05. – 18 p. – URL: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2022/fy2022_Pacific_Deterrence_Initiative.pdf (date of access: 06.08.2022).

Paul M., Swistek G. (2021). Mind the Gap : German security policy in the Indo-Pacific between aspiration and reality / Center for International Maritime Security. – Washington, D.C. – 01.06. – URL: <https://cimsec.org/mind-the-gap-german-security-policy-in-the-indo-pacific-between-aspiration-and-reality> (date of access: 06.08.2022).

Press release : AUKUS leaders' level statement. (2022) / UK Government. – London. – 05.04. – URL: <https://www.gov.uk/government/news/aukus-leaders-level-statement-5-april-2022> (date of access: 06.08.2022).

Rede von Außenministerin Annalena Baerbock zur Entwicklung einer Nationalen Sicherheitsstrategie. (2022) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 18.03. – URL: <https://minsk.diplo.de/by-de/themen/politik/humanitaere-zusammenarbeit-de/-/2518006> (date of access: 06.08.2022).

Rinke A., Shah A. (2019). Germany, India sign wide-ranging agreements to deepen bilateral ties // Reuters. – London. – 01.11. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-india-germany-idUSKBN1XB3K4> (date of access: 06.08.2022).

Seok-min O. (2021). South Korea, Germany agree on close cooperation for shared interests in Indo-Pacific // Yonhap. – Seoul. – 26.05. – URL: <https://m-en.yna.co.kr/view/AEN20210526006800325> (date of access: 06.08.2022).

Singh M. (2019). India, Germany strengthen partnership with defense cooperation pact // Indo-Pacific Defence Forum / US Department of Defence. – Washington, D.C. – 16.03. – URL: <https://ipdefenseforum.com/2019/03/india-germany-strengthen-partnership-with-defense-cooperation-pact/> (date of access: 06.08.2022).

Spang T. (2021). Was hinter dem U-Boot-Streit zwischen den USA und Frankreich steckt // Augsburg Allgemeine. – Augsburg. – 19.09. – URL: <https://www.augsburger-allgemeine.de/politik/Neuer-Pazifik-Pakt-Was-hinter-dem-U-Boot-Streit-zwischen-den-USA-und-Frankreich-steckt-id60592466-amp.html> (date of access: 06.08.2022).

Speech by President von der Leyen at the closing event of the Conference on the future of Europe. (2022) / European Commission. – Strasbourg. – 09.05. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_22_2944 (date of access: 06.08.2022).

Suzuki Y. (2016). Abe's Indo-Pacific «security diamond» begins to shine // Nippon.com. – Tokyo. – 08.02. – URL: <https://www.nippon.com/en/column/g00339/amp/> (date of access: 06.08.2022).

The global challenges facing Germany's next Chancellor. (2021) / Backer M., Esch R., Nelles R., Sandberg B., Zand B. // Der Spiegel. – Hamburg. – 04.10. – URL: <https://www.spiegel.de/international/world/foreign-policy-the-global-challenges-germany-s-next-chancellor-faces-a-42ac3a87-89e5-456f-90e4-ba2ae1e147be> (date of access: 06.08.2022).

Arzamanova T.V.¹, 2022
**Some aspects of German strategic planning
in Indo-Pacific region facing the return
of great power rivalry**

***Abstract.** At least in the medium term, the matrix of international relations will be determined not only by the emerging global «geopolitical rift», such as tensions between the United States and China, but also by the return of competition between the great powers. At the same time, the Indo-Pacific Region (IPR) inevitably becomes the main arena for the global confrontation between the United States and China for the opportunity to influence the reformatting of the world order. For the ITR, the growing tension in the South China Sea, the issue of non-proliferation of nuclear and other types of WMD are becoming increasingly important, while the competition of interests of the most important players (USA – China, China – India) in this region generates new security risks and challenges.*

As a major export trading power, Germany is not going to be limited to the role of an additional player in the region, the economic and geopolitical importance of which is steadily growing, especially given that conflicts in the ITR can threaten the most important trade and transport arteries linking Europe with Asia and Africa. Berlin's goal is to expand Germany's presence in the Indo-Pacific, relying on intra-regional cooperation, because the consolidation of the «bipolar structures» of the United States and China in the region is one of the main risks for other major players, as the confrontation between Washington and Beijing could take the form of a proxy war, destroying global supply chains.

The strategic planning of the FRG in the ITR, in contrast to the similar strategy of the United States, does not have a pronounced anti-Chinese orientation, although it is aimed, in fact, at «containment» of China. Moreover, a more balanced policy of Germany and its European allies (primarily France) in the region, based on the search for a balance of interests,

¹ *Arzamanova Tatiana Vladimirovna* – Leading Editor INION RAS (tatiarzamanova22@gmail.com).

could contribute to a softer structuring of zones of influence in the ITR with an emphasis on a multilateral approach.

Keywords: *Indo-Pacific Region, Germany, USA, China, India, AUKUS, ASEAN, QUAD, geopolitical interests, deterrence, great powers competition, European strategic autonomy, multilateralism.*

Статья поступила в редакцию (Received) 10.05.2022.

Доработана после рецензирования (Revised) 11.06.2022.

Принята к публикации (Accepted) 30.06.2022.